

Прут Иосиф

8.10.94

Творчество старейшего русского драматурга, ровесника века, Иосифа Прута в представлениях не нуждается. В свое время его пьесы, такие, как «Князь Мстислав Удалой», «Тихий океан», «Солдаты», широко шли по стране да и сегодня встречаются в репертуаре театров. «Культура» не раз публиковала его новеллы, живые и острые, полные искрометного юмора. Нынешняя публикация, любопытная сама по себе, приобретает, на наш взгляд, особый шарм в канун визита в Россию королевы Великобритании Елизаветы II.

В 1966-м я вторично приехал в Швейцарию (благо, в период «оттепели» такое стало возможным) на праздник 60-летия своей школы — «Эколь Нувель» в Шаи над Лозанной, которую окончил в 1918 году.

После полуденного завтрака я прогуливался с бывшим директором этого колледжа — Леопольдом Готье — моим руководителем в течение четырех лет.

Мы остановились возле теннисной площадки, когда к нам подошел уже немолодой, но стройный человек и взволнованно сказал:

— Здравствуй, отец!
Я решил, что он обращается к моему спутнику. Но тот улыбнулся и объяснил:

— Это приветствие относится к тебе, дорогой Прут!
...И я понял: передо мной стоял «сынком» по школе лорд Эдвард Донегалл.

Мы бросились друг к другу в объятия. Да, это был он: мальчик, о котором я заботился с 1915 по 1918 год — во время нашего совместного пребывания в «Эколь Нувель».

Надо сказать, что в интернате нашей школы существовал обычный: старшие помогали младшим.

Помогали во всем: от основных элементов туалета — сопровождения в душевую, ежедневного мытья в ванне, кончая проверкой уроков и укладыванием спать. В обязанность старшего входило также и занятие с подопечным физической культурой: ежедневной гимнастикой, бегом, боксом... И я отчетливо вспомнил, как все началось.

В 1915 году я был учеником четвертого класса моего чудесного учебного заведения. Это произошло сразу после летних каникул, когда однажды в полдень меня вызвал к себе директор школьного интерната господин Лассер.

Я вошел в его кабинет и увидел сидящую на диване красивую даму. Ее голову украшала шляпа со страусовыми перьями.

Возле дамы стоял мальчик лет девяти, прекрасно одетый: черный выходной пиджак, темно-серые полосатые брюки, лакированные туфли, ослепительной белизны накрахмаленная рубашка. Наряд завершал галстук бантом.

Директор сказал мальчику, показывая на меня:

— Это — твой будущий отец и наставник. Он из России. Его зовут Жозефом, а фамилия — Прут.

Юное создание слегка кивнуло головой.

Дама — это была его мать — предложила сыну:

— Представься, Дони!

И ребенок с достоинством произнес:

— Я — Эдвард, лорд Донегалл, владетельный герцог и маркиз...

Я не выдержал и перебил:

— Ну, ладно! Хватит морочить мне голову!

Но дама заметила:

— Нет, нет! Он говорит абсолютную правду. И когда вырастет, наверное, будет еще и пэром Англии.

Так я и стал «отцом и воспитателем» этого ребенка.

На второй день его пребывания в школе, когда я — перед едой — тщательно стирал пемзой чернильные пятна с его пальчиков, Дони сказал:

— Глупая школа, отец!

— Не слишком ли поспешный вывод, ваша светлость? — усмехнулся я. — Чем она успела провиниться перед тобой?

— Матушка оставила мне сто фунтов на шоколад, но господин директор объяснил, что эти деньги пойдут на приобретение учебников, школьных принадлежностей и книг для чтений. А если ученик хочет сверх того, что ему дают на сладкое в столовой, приобрести еще и шоколад, деньги на это надо заработать.

— Да, — подтвердил я. — Тут так принято.

— И что же мы станем делать? — спросил Дони.

— Можно, например, заниматься цветами; собирать фрукты в саду или подметать двор...

Дони захолопал в ладоши:

— Есть идея! Мы дадим телеграмму в редакцию журнала «Иллюстриред Лондон Ньюс», чтобы они прислали фотографов заснять меня — лорда Британской Империи, подметающего двор! И, конечно, за такое нам хорошо заплатят!

— Нет. Это не годится! — решительно заявил я.

— Но, может, найдется более достойная работа? — настаивал мальчик.

— Есть такая! Например, перепилить, расколоть и сложить кубометр дров...

— И что же за это нам заплатят?

— Три франка, — ответил я.

— А сколько на такую сумму можно купить шоколада?

— Десять плиток. Молочного!

— По-моему, имеет смысл... — согласился будущий пэр Англии.

И мы приступили к делу. Это был наш первый совместный заработок.

Весной 1918 года я окончил школу. Наступил момент разставания со ставшим мне дорогим мальчиком. Мы оба сильно переживали грядущую разлуку.

THE INTERNATIONAL DOGHOUSE CLUB Greetings

Know All Men by These Presents that:

Joseph Prout

exhibited an unflinching and unflagging ability to do the "WRONG" at both... and... times; has shown himself at best to disrepute such honoured territory... and is therefore in... to the... all sympathy from... low... by granted un... authority... upon... d... or... to obtain... me... pa... by such... Bastville Kennel 39, Clabon Mews, London, SW7. No. 221B Top Dog (Kennel - Master) 6.9.67

Я ЧЛЕН ДОГХАУС

Дони умолял меня взять его с собой. Но это было невозможно. И мы оба, плача, дали клятву встретиться вновь и как можно скорее...

Однако увидеться довелось лишь спустя... сорок восемь лет!

О том, как произошло знакомство с одним из первых лордов Британской Империи, я рассказал выше... Момент же моего свидания с Дони полвека спустя описать не берусь, так как по сей день это вызывает во мне бурю чувств. Приведу лишь почти дословно мое выступление на вечере в школе, когда мы с Донегаллом и его женой — леди Моорин — сидели за одним столом.

— Мои дорогие друзья! — обратился я к присутствующим. — Счастлив, что встретил всех вас: бывших и нынешних учителей и учеников нашей дорогой школы! Особенно рад был увидеть и обнять моего воспитанника и сына по интернату — лорда Эдварда Донегалла. Мы рассказали друг другу, естественно, вкратце о том, что произошло за полвека нашей разлуки. Выяснилось, что он, как и я, был уча-

стником второй мировой войны.

Мой мальчик — летчик и военный корреспондент — достойно провел всю антигитлеровскую кампанию, затратив огромные деньги на содержание своего полка.

Его смелые репортажи с фронта, говорили о храбрости этого военного пилота. Поэтому я хочу преподнести ему памятную монету, выпущенную у нас — в Советском Союзе — к 20-летию Победы. Он ее вполне заслужил!

Надо сказать, что мои слова произвели на Дона сильное впечатление. Он почти не говорил. Сидел задумчивый и по окончании ужина только произнес:

— Я слишком взволнован нашей встречей и твоими словами! Завтра пришло за тобой машину, и мы сможем спокойно поговорить: у меня дом близко от Лозанны — в деревне Корзо.

На следующий день в школу пришел роскошный автомобиль и отвез меня к Донегаллам.

На пороге стояла леди Моорин. Она сказала, что Дони сильно переживал нашу

первую встречу, плохо спал и ждал меня в своем кабинете.

Я поднялся к нему. Мы обнялись, и Эдвард взволнованно произнес:

— Ты — мой отец! Я — твой сын! Скажи мне откровенно: нуждаешься ли ты там, у себя, в чем-нибудь? Я — весь в твоём распоряжении.

— Спасибо, сынок! Нет, у меня все благополучно. Я пишу пьесы и сценарии, что полностью обеспечивает мою семью.

— Говоришь правду, отец?

— Абсолютную. Ты же видишь: я имею возможность приезжать в Швейцарию. У меня все есть. Я всем доволен. (В шестидесятые годы действительно можно было прожить на литературный заработок).

— Тогда вот что! — и Дони торжественно начал. — Самым тяжелым событием последнего времени для нас — англичан — была смерть Уинстона Черчилля. Ее величество королева провожала его в последний путь, как родного отца. Она приказала отбить массовым шествием памятную монету, где с одной стороны ее портрет, а с другой — Уинстона Черчилля. Одним из первых — лично из рук ее величе-

ства — такую монету получил я. Она должна храниться у старшего в роду. А так как я считаю тебя своим отцом, хранить ее будешь ты! Когда же наступит страшный для меня день и я узнаю, что тебя не стало, монета должна вернуться ко мне!

К сожалению, Дони умер раньше меня.

В своем архиве я оставил много писем дорогого мне мальчика. Есть там и весьма любопытные документы.

В 1967 году меня пригласили в английское консульство, где торжественно сообщили, что я избран действительным членом Международного клуба «Собачья будка».

— Что это за организация? — спросил я.

Мне подробно рассказали: основан клуб был в шестнадцатом веке английским королем Генрихом Восьмым. Повод для его создания следующий: король позволил себе какую-то бестактность по отношению к своей супруге — Анне Бoley, за что немедленно получил по физиономии мокрым полотенцем. К этому державная дама добавила еще и слова: «Пошел вон, старый пес, в свою собачью будку!».

Король покинул покой супруги.

Однако на следующий день он явился к ней с повязанным через плечо шелковым шарфом, на котором было вышито изображение собачьей будки с торчащими из нее двумя ногами короля.

Анна простила мужу вешнее, и в честь примирения король объявил о создании общества «Собачья будка», членами которого могли стать лишь коронованные особы Европы, верные своим женам.

Так продолжалось до Великой французской революции, когда руководством этого высшего общества было решено принять в члены «Собачьей будки» одного человека, имеющего право стать коронованной особой. Им был французский герцог де Гиз.

XIX и XX века ознаменовались и другими реформами. Не стану их перечислять, но скажу лишь, что в конце наших шестидесяти годов президентом клуба оказался мой «сыночек» — лорд Эдвард Донегалл. Выбрали его пожизненно, и во время руководства сей высокопоставленной организацией президент имел право — так же пожизненно — избрать одного нетитулованного человека, достойного оказаться в столь элитарном кругу Европы...

И вот я в торжественной обстановке получаю документ об избрании меня членом общества «Собачья будка».

Держу сию уникальную бумагу и читаю, что она «дана господину Оне Пруту»!

Глубоко вздохнув, я развел руками и сказал:

— Был убежден, что воспитал человека, достойного всех

высоких титулов, которые он имеет, но, оказалось — ошибся!

Представитель Великобритании побледнел и не очень твердо произнес:

— Что-о вы хотите этим сказать, мистер Прут?!

— А то, господин консул, что в детстве и личных отношениях лорд Эдвард Донегалл был для меня просто «Дони», а я для него — «Оня»: таково мое уменьшительное имя. Но у меня ведь существует и полное: «Иосиф»! И потом, прошу меня извинить, какой же я «господин» в Советской стране? (Сейчас, пожалуй, я бы без удивления принял подобное обращение).

— Немедленно постараюсь исправить столь «ужасное» недоразумение. Прошу вернуть мне бумагу! — протянул руку консул.

— Нет! — ответил я. — Хочу сохранить ее на память!

Короче, через две недели я получил документ на имя «Иосифа Прута», дававший мне право (в случае, если я с женой буду находиться в столице любого государства Европы, где еще существует монархия) представиться королю или королеве... за сутки предупредив о своем желании министра Двора!

Как ни парадоксально, этим правом я пока не воспользовался. Честно говоря, сам не знаю, почему! Чего ждал? Да и существует ли по сей день клуб «Догхаус» — «Собачья будка»?

...Дружба с моим названным сыном продолжалась до последнего дня его жизни. У Дони был прекрасный почерк. Его письма всегда разборчивы и служат мне поддержкой: перечитываю их в трудные минуты жизни. Среди этой корреспонденции есть и газетная заметка, которую Дони вложил в одно из писем. Вот она:

ДАМА И ДВА АВТОСТОПА

Два немецких студента пытались сесть в попутную машину на дороге Шотландии.

Одна любезная автомобилистка остановилась и предложила им занять место в своей открытой «Лэнд Ровере», где уже отбыхали четыре маленькие собачки. Рядом с дамой сидел ее юный сын.

Так они проехали несколько километров. Прибыв к месту своего назначения, студенты поблагодарили даму и покинули машину.

А королева Англии — ибо это была она — продолжила свой путь.

В Бекингемском дворце один из сотрудников подтвердил данный факт:

— Это абсолютная правда! — сказал он. — Ее величество прекрасно управляет автомобилем. Она увидела людей, которые, очевидно, нуждались в ее помощи. Поэтому остановилась, попросила их подняться в машину и довезла до нужного места.

Иосиф ПРУТ.

9